

Чу Цзядун не заметил выражения маленькой дочери, но ласково погладил ее по голове и похвалил:

— Сяосяо очень заботится о своем брате.

— Тогда я действительно благодарен ей, но прошу заботиться обо мне поменьше.

И вот после еды Чу Сяои смотрел на темный тонизирующий суп, приготовленный дядей. Он почувствовал исходящий от него насыщенный лекарственный аромат, придающий вареву отталкивающий вид.

Увидев, что он крепко сжимает миску, дядя осторожно спросил:

— Сяои, тебе не нравится?

— Нет, нет, просто горячее... — конечно, Чу Сяои не нравился этот суп, но он не мог отказать доброму старику.

Его дяде было за шестьдесят. Она так усердно готовил это лекарство, что парню придется все это выпить.

Чу Сяои взял волю в кулак и выпил суп. Жидкость плавно растеклась по горлу. Жидкость была настолько обжигающей, что у него вспотела спина.

Настоящий, особенный и какой же горький.

Чу Цзядун хлопнул в ладоши и похвалил его, не забыв прочесть наставления дочери:

— Сяосяо, видишь, как тяжело приходится твоему брату, но он выпил целую миску, а ты, обычно, и половины не осиливаешь.

Чу Сяосяо похлопала его по руке и согласилась:

— Что ж, брат действительно хорош, выпей еще несколько порций за здоровье.

На лице дяди тут же расцвела улыбка:

— Тогда завтра я приготовлю еще немного?

Чу Сяои было слишком больно говорить. Он испуганно замахал руками и остановил

заботливого старика.

После трапезы остальные принялись убирать посуду со стола, оставив брата и сестру в гостинной.

Чу Сяои раскусил враждебность малышки и прямо спросил:

— Ты сделала это нарочно, верно? Когда я успел тебя обидеть?

Чу Сяои дотронулся до своего носа. Целебный суп хоть и был жутким, но действительно подействовал, и заложенный нос начал дышать.

Однако он предпочел бы больше никогда его не пить.

Хоть в глубине души Чу Сяои и был зол, но у него есть принципы, по крайней мере, он не стал бы мстить ребенку, тем более собственной сестре.

Чу Сяосяо не потрудилась упомянуть, что он заставлял ее съесть сельдерей. Она смотрела в айпад и, услышав его фразу, лишь внимательно посмотрела на Чу Сяои.

Чу Сяои не понял, чем вызвал столь пристальный взгляд, поэтому дотронулся до своего лица и спросил:

— Что-то не так?

— Ты лицемер.

Чу Сяосяо посмотрела на его серо-голубое сердце, и медленно отвела взгляд, раздраженно проговорив:

— Очевидно, что ты ненавидишь меня, но тебе приходится притворяться.

Это то, чего Чу Сяосяо терпеть не может больше всего. Из-за особых способностей никто не может одурачить ее, а попытки Чу Сяои и вовсе кажутся ей неуклюжими.

Парень внезапно онемел. Он был ошеломлен — кто бы мог подумать, что восприятие малышки настолько сильно, что она понимает эмоции взрослого человека и даже может использовать слово «лицемерие».

Он не знал о способностях Чу Сяосяо, думал, что это сработала детская интуиция и на некоторое время потерял дар речи.

Он не мог винить свою сестру, потому что она была права, и ее неприязнь была обоснованной.

Если она ему не нравилась, то как он мог нравиться ей?

Чу Сяои посмотрел на маленькую девочку, и его натянутая струна медленно ослабла, он больше не сохранял вежливый и жизнерадостный вид.

После того как он вернулся домой, давление было очень сильным. Члены семьи делали все возможное, чтобы тепло принять его. Они все время наблюдали за каждым его жестом, и заставляли его чувствовать себя проезжим, это не давало покоя.

Чу Сяои вздохнул:

— Это было вынужденное решение — отправиться домой на Новый год.

Чу Сяои сел рядом с Чу Сяосяо. Затем открыто спросил:

— Что ты смотришь? Опять эту свинью?

Понимая, что Чу Сяосяо теперь единственный человек, который знает о его истинных чувствах, он сразу перестал притворяться и говорил гораздо более непринужденно.

Увидев его приближение, Чу Сяосяо тут же с опаской и отвращением отошла в угол и крепко обняла свой любимый айпад.

Она посмотрела на Чу Сяои и на ее лице появилось замешательство, она обнаружила, что цвет эмоций собеседника стал немного ярче.

Сердце Чу Сяои теперь темно-синее, в нем нет туманно-серого, и оно выглядит немного яснее.

Чу Сяосяо недоуменно проговорила:

— Ты такой странный. Почему ты радуешься, я же тебя поругала? — Чу Сяосяо действительно не понимала, о чем он думает, и пробормотала: — Не важно.

Чу Сяои проигнорировал холодное личико малышки. Он указал на маленького поросенка на экране и спросил:

— Это Пеппа?

— Это Джордж.

Чу Сяои фыркнул:

— А в чем разница? Разве не все они свиньи?

Чу Сяосяо привела яркий пример:

— Тебя зовут Чу Сяои, а меня — Чу Сяосяо. Между нами тоже нет разницы?

— О, твой словарный запас хорош, тогда кто же из нас небо, а кто земля?

— Ты — небо, и ты же — земля.

Прежде чем Чу Сяои успел отреагировать, Чу Сяосяо бесцеремонно закатила глаза и пояснила:

— Я обычный человек. Если ты хочешь быть небом и землей, не тяни меня за собой.

Парень смотрел на ее живое выражение лица, и ему казалось, что на нем можно прочесть «Отказываюсь играть в эти игры», и какое-то время она была одновременно злой, но забавной.

Чу Сяои улыбнулся:

— Кажется, кому-то не мешало бы быть повежливей?

<http://tl.rulate.ru/book/104088/3769651>